

Патриотическая тема советской литературы

День 9 мая—незабываемый День Победы нашей державы над фашизмом—принадлежит к тем радостным, великим датам, которые не изгладятся в памяти нашего народа и всего передового человечества. Беспримерные подвиги советских патриотов в суровые годы Великой Отечественной войны навсегда остаются примером высочайшего мужества и отваги, блестательным образцом воинского искусства.

В критические моменты исторического развития как отдельный человек, так и целые народы держат жестокий экзамен, проходит испытание, проверку всех своих моральных физических сил. Таким испытанием в истории нашего народа была Великая Отечественная война с гитлеровскими захватчиками.

Победа над сильнейшим и опаснейшим врагом означала победу советского общественного и государственного строя, победу советского человека и его передовой коммунистической идеологии над капиталистическим строем, над его растленной, че-ловеконенавистнической идеологией.

В дни войны миллионы простых советских людей явили миру исключительное величие духа, пламенный патриотизм, высокую идейность, стойкость, силу и красоту советского национального характера. И все эти великолепные качества были воспитаны нашим народом Коммунистической партией, выкованы в трудах, в борьбе за построение социализма в СССР, крепли и развивались вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны.

Незабываемая героика Отечественной войны — тот вдохновенный источник, к которому обращались и долго еще будут обращаться деятели всех областей искусства. В огненные фронтовые годы советские писатели и оружие воинов и первых литераторов самоотверженно защищали Родину. Под гром орудий рождались фронтовые корреспонденты и первые значительные произведения о войне — поэмы и пьесы, романы и повести. В послевоенные годы писатели, стремясь все глубже осмыслить опыт пережитого, дали народу ряд новых произведений, воспитательное и патриотическое значение которых трудно переоценить, произведений, по достоинству считающихся достижениями нашей литературы.

Ошибаются те литераторы, которые «спасаются» темой Отечественной войны в разряд исторических, считают ее отошедшей в прошлое и мало современной. Нет, и сейчас произведения, посвященные подвигам советского народа, Советской Армии, написанные правдиво, с умом и талантом, со знанием дела, помогают воспитывать молодых рабочих, колхозников, интеллигентов, воинов Советской Армии в духе бодрости, бесстраствия, уверенности в победе нашего дела, в духе беззаветной преданности социалистической Родине и постоянной готовности дать сокрушительный отпор империалистическим агрессорам, если они попытаются нарушить мирный труд наших народов. Такие произведения о героях воинского подвига, о спасавшей Советский Союз Армии, верного стражи мирного труда, всегда пользуются большой популярностью.

Революция смела старый мир, великая Коммунистическая партия открыла вам дорогу к образованнию. Ваши отцы и деды уничтожили царский строй, отстояли советскую власть в борьбе с интервентами, превратившись в героями, выковавшими характеристики, подобные Зое Космодемьянской, Олегу Кошевому, Александру Матросову. Не мелкотравчатое националистическое бытие помогает воспитанию таких характеров, а большие мысли и глубокие чувства. Литература героических подвигов — вот что душевно близко и насыщенно необходимо нашему читателю:

Советские писатели отдали много творческих сил воплощению этой темы. Однако все, свершенно советским народом, стало величественно, так вдохновенно, что должна бы появиться современная «Война и мир» — эпическое произведение, рождающее в области военной тематики. В последние годы немало говорится о том, чтобы этот журнал возродил утраченные традиции, но сделано в этом отношении крайне мало. Многие произведения на военные темы еще ждут глубокой и развернутой оценки. Почти нет статей, обобщающих опыт советской литературы в этой области.

Советский воин — самоутверженный защитник социалистической Родины, носитель высоких и благородных идей; он — живое воплощение лучших геронических черт нашего народа. В годы войны он явил немалую силу характера, верность своему долгу, мужество и бесстрашие. Художники, пишущие о героях тех лет, обращаются к вдохновенному источнику — духовному опыту народа, одержавшего всемирно-историческую победу. Отображая сегодняшнюю жизнь наших воинов, художник продолжает бессмертную тему мужества, тему защиты Родины.

Советская литература призвана помочь Коммунистической партии и Советскому правительству воспитывать советский народ в духе боевой готовности, в духе бесстрашения и самоутверженной любви к своей социалистической Родине. 10 лет назад гитлеровские претенденты на мировое господство обрели свой позорный конец. Бесславная участь ожидает и новоявленных гитлеров. Враги не застанут советских людей врасплох.

Тема войны требует от художника всестороннего осмысливания происходящих

событий, всей полноты жизненной правды. Социалистический реализм не терпит примитивизма и лакировки действительности. А у нас

появлялись отдельные произведения об Отечественной войне, в которых трудности первых военных лет подчас скрывались. Плохую услугу оказали нашему читателю и те писатели, которые показывали противника примитивным, недалеким, невольно преумножавшим значение нашей победы над сильнейшей в то время империалистической армией — армией гитлеровских захватчиков. Советский писатель должен в изображении злобного и опасного врага подчеркивать, не умоляя его силы, именно те черты, которые возбуждают к нему активную ненависть.

В критические моменты исторического развития как отдельный человек, так и целые народы держат жестокий экзамен, проходят испытание, проверку всех своих моральных физических сил. Таким испытанием в истории нашего народа была Великая Отечественная война навсегда осталась примером высочайшего мужества и отваги, блестательным образцом воинского искусства.

В критические моменты исторического развития как отдельный человек, так и целые народы держат жестокий экзамен, проходят испытание, проверку всех своих моральных физических сил. Таким испытанием в истории нашего народа была Великая Отечественная война навсегда осталась примером высочайшего мужества и отваги, блестательным образцом воинского искусства.

В приветствии ЦК КПСС Второму все-сознанию съезду советских писателей говорится: «В период, когда агрессивные империалистические круги вновь собирают и возрождают силы разгромленного германского фашизма, советская литература не может стоять в стороне от борьбы против реакционных сил старого мира». Советская литература всегда последовательно отстаивала великое дело мира между народами, несущее человечеству идеи пролетарского интернационализма и братской солидарности трудящихся. Поднимая свой голос в защиту миролюбивых сил, призываю к сплочению всех народов земли, советские писатели будут и вперед разоблачать и клеймить преступные планы империалистов, угрожающих развязать новую мировую войну.

Изображение художником жизни и боевой деятельности советских воинов в мирные дни — это продолжение геройической военной темы в современных условиях. Центральный Комитет нашей партии призывает писателей к созданию книг о нашей Советской Армии — верного стражи мирного труда советских людей. К сожалению, у нас таких произведений недопустимо мало. Многие писатели, еще в довоенные годы и особенно в дни войны трепетно связанные с армией, сейчас ослабили эти связи. А между тем святой традиции советской литературы всегда была кровная связь с армией. Пример Маяковского и тут может служить образцом. Стоит вспомнить, что в прошлом и мечтам о грядущем. И может быть, именно сегодня подходит случай для того, чтобы мне, старшему из геологов, говорить серьезно с будущими геологами, со всеми молодыми, начинающими учеными о нашем общем деле — о советской науке.

Сегодня торжественный день: Московскому университету исполнилось 200 лет. 200 лет прошло с тех пор, как великий Ломоносов основал первое в России высшее учебное заведение. И 200 лет университету высоко не знал Ломоносова — знамя борьбы с невежеством, мракобесием, реакцией. Университет всегда был цитаделью передовой науки, передовой мысли, общественной деятельности, из стена его вышли многие поколения смелых людей, посвятивших себя служению народу. Здесь учились Белинский, Герцен, Огарев, Лермонтов, Тургенев. Они были такими же студентами, как вы, мои молодые друзья, они ходили на лекции, делали записи, сдавали экзамены и спорили о будущем...

Сегодня — славная дата в истории русской науки, день, посвященный воспоминаниям о прошлом и мечтам о грядущем. И может быть, именно сегодня подходит случай для того, чтобы мне, старшему из геологов, говорить серьезно с будущими геологами, со всеми молодыми, начинающими учеными о нашем общем деле — о советской науке.

Я видел ваш дворец, мои молодые друзья, сожалению, только снаружи. В мои годы затруднительно рассказывать о лестницах и путях в мирные дни. Но, проезжая по Ленинским горам, я не раз любовалась величественными башнями, скульптурами, торжественным порталом университета. Я знаю, что у вас там повсюду мрамор, гранит, бронза, великолепные аудитории и библиотеки, спортивный комплекс, общежития с отдельными комнатаами. Чудесный подиум получили вы, молодые! И мне хочется спросить: чем вы отплатите за этот подарок?

Я был студентом очень давно — 70 лет тому назад. У нас не было ни дворцов, ни спортивных комплексов. Студенты из белых синими комнатушками. Чтобы оплатить их, купили книги, обувь, одежду, приходилось бегать по урокам, вдалбливать практикации и дроби ленинским сыщикам купчиков и чиновников. Наука была для них — для богатых. Детей рабочих и крестьян старались не подпускать к образованию. Существовали ограничения для женщин, существовали национальные ограничения.

Революция смела старый мир, великая Коммунистическая партия открыла вам дорогу к образованнию. Ваши отцы и деды уничтожили царский строй, отстояли советскую власть в борьбе с интервентами, превратившись в героями, выковавшими характеристики, подобные Зое Космодемьянской, Олегу Кошевому, Александру Матросову. Не мелкотравчатое националистическое бытие помогает воспитанию таких характеров, а большие мысли и глубокие чувства. Литература героических подвигов — вот что душевно близко и насыщено необходимо нашему читателю:

Советские писатели отдали много творческих сил воплощению этой темы. Однако все, свершенно советским народом, стало величественно, так вдохновенно, что должна бы появиться современная «Война и мир» — эпическое произведение, рождающее в области военной тематики.

Сегодня наша область — геология? Когда я кончил институт, в России работали

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 54 (3399)

Суббота, 7 мая 1955 г.

Цена 40 коп.

К 200-летию Московского университета

Моим молодым друзьям

Академик В. А. ОБРУЧЕВ

Будьте настойчивы, упорны, но не упрямьтесь за свою вынужденную. Помните, что на свете есть много умных людей, которые могут заметить у вас ошибки, и если они правы, не стесняйтесь соглашаться с ними.

Наука требует принципиальности. Ищите правду, и только правду. Не пропытайтесь к доводам науки посторонние соображения — соображения самолюбия, выгораживания приятельских отношений, преклонения перед авторитетами.

И вот наступит день, когда вы представите свое наследие на суд учёных. Это будет торжественный, волнующий, богатый день вашей жизни. Желаю вам, чтобы он был радостным. Божайлью, не у всех и не всегда это бывает так. Дело в том, что в науке, как в жизни, новое должно вытеснить старое, победить его. А открытия не являются счастьем, как метеориты, скорее, открытия вырастает из тоненькой былинки. И вот является такая былинка — стебелек и пара листочек. А вокруг лес старых представителей — крахмальные дубы, и пусть они прогнили насквозь, их короны кое-где еще заслоняют свет. Они не хотят пасть, и росток с первых дней жизни начинает бороться.

Мне не раз приходилось спорить с людьми, которые шли, казалось бы, параллельно со мной к той же цели, но другими путями, и уже прошли полдороги и были уверены, что их путь лучше, надежнее, проще. Мне приходилось спорить и с зачинщиками старого — людьми ленивыми, пребывающими в состоянии спячки, привыкшими думать по старинке, жить по старинке, отставать от своего прошлого, лекции и главы некоторых написанных учебников. Но больше всего энергии требовалась борьба с теми, извините за выражение, паразитами науки, которые лезут в науку ради денег, должностей, званий и которые, конечно же, держатся за старые дубы, потому что дубы высоки и кажутся надежными, тогда как молодые ростки слабы, и неизвестно еще, который из них станет дубом.

Мне не раз случалось, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Более того, в борьбе она набирается сил, очищается от недостатков.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Мне не раз случалось, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть.

Иной раз случается, — в истории это было неоднократно, — что новое терпит на первых порах поражение. Пусть это не опровергнет вас: такие поражения — временные. Правильная идея не может погибнуть

ВСТРЕЧА НА ЭЛЬБЕ

Ветеран, посмотри на снимок,
Шрам от пули рукою тронь,
И покажется — гордым дылом
Снова пахнет твоя ладонь.

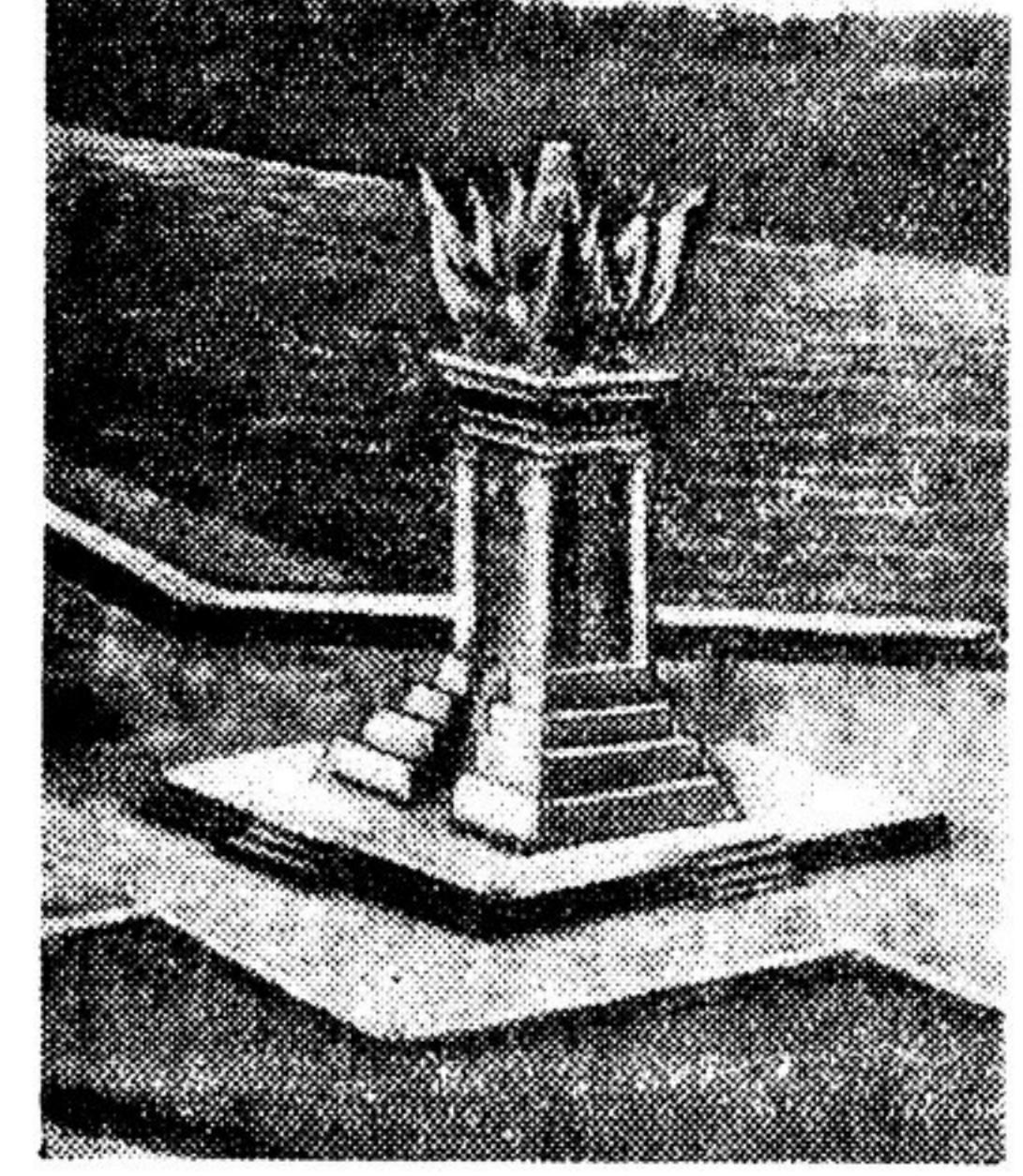
Мы с тобою — простые парни,
Породнил нас великий бой:
Батальонах союзных армий
Мы на Эльбу пришли с тобой.

Не забудь этой встречи светлой,
Ясных глаз и слепленных рук!
...Снова танят военным ветром,
Снова порохом пахнет драг.

Над тобою и надо мною
Снова туши — черны-черны...
Выходи же на бой с войною,
Ветеран мировой войны!

На снимках: вверху — весна 1945 года.
На Эльбе близ Торгау; внизу — момент, возникший в честь встречи советских и американских войск на Эльбе.

Фото Г. Хомзора и А. Милецкого;
стихи Ю. Друниной

ОЛ. ГОНЧАР ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

Было такое мгновение, когда над Европой прозвучал последний выстрел. Есть поле, где это произошло, — произошло десять лет назад...

Поле последнего боя, оно лежит на чехословацкой земле. Уже после того, как весь мир облетела неминуемая радостная весть о Победе, там, на том поле, советский воин-труженик еще заканчивал ратную свою работу, укрошив самых упрямых, самых оголтелых из фашистских бандитов, которые, вопреки приговору самой истории, все еще не желали сложить оружие.

Только он, только советский воин-постоянно узнал, какой ценой досталось ему это весенное цветущее поле в последних тающих дымах и черных оставшихся воронок... От снегов Подмосковья, от руки легендарного Сталинграда, сквозь пожарища разоренной Украины пролегал подземный путь счастья... Да, на бой с войною — к полу последней битвы, откуда берет начало наступающая весна народов...

Сказочно прекрасная, вечная весна — именно так тогда воспринималась будущая. Запытан последний очаг величайшей из войн, прозвучал последний выстрел, который уже словно возвещал собой начало новой эры — эры общечеловеческого мира и счастья...

Не думалось, не хотелось думать, что пройдет совсем немного времени, и западные союзники нарушают свое слово, и зловещая тень черного германта снова упадет на Европу, на ее молодые и древнейшие города — на Рим и Париж, на Белград и Прагу... Да, там, собираются быть не живут в такое время, когда человек стоит не безоружным перед лицом разрушительных сил, когда он в состоянии разогнать сумерки нависающих туч.

И никто не убьет нас в обратном, в неизбежности новой трагедии народов с

Анатолий АГРАНОВСКИЙ

О т к р ы т и е

1.

Вступительное слово доктора исторических наук Юрия Кнорозова

— Эти вопросы я считаю основными, — твердо заключил он, — и на этом разрешите мне закончить.

Недоуменная тишина повисла в зале.

Кто-то бросил с места:

— Хотелось бы все же услышать изложение всей работы уважаемого спикера.

Человек, стоявший на кафедре, молчал. Он, видимо, волновался, об этом свидетельствовала пятна румянца, приступившие на его щеках. Но в глазах, серых, чуть запавших, волнения не было. Зоркие, проницательные, они были очень широко расставлены, и эта особенность, делавшая сразу запоминающимся его лицо, придавала особую силу внутренней убежденности взгляду молодого ученого.

Когда начали высступать оппоненты, всем, даже не специалистам, стало ясно, что спикер — кандидат исторических наук Юрий Кнорозов имел право на такой выдающийся лаконизм: там, где многое сделано, не нужно много говорить. Мысли были просторно в его скучных словах. За ними стояло решение одной из сложнейших загадок мировой науки.

...Нам известна история древней Греции, Рима, Византии. Отлично изучена история славян. Дети усваивают из школьных учебников о великих цивилизациях Египта, Древней Греции, Китая. Но лишь отрывочные полу-легендарные сведения дошли до наших дней о древней истории народов американского континента. Между тем археологические раскопки на территории Мексики и Гватемалы доказали, что еще на рубеже нашей эры индейцы майя создали очаг цивилизации, подобный Египту и Китаю. У них были десятки городов, они имели свою литературу, драматургию; выражительность изваяний и фресок этого древнего народа ставит их в ряд великих художественных достижений человечества... Но, зная многое об искусстве, мы плохо знаем историю майя. А там, где нет

2.

Как удалось ему решить задачу, которая неизвестна была многим и многим зарубежным исследователям? В чем секрет победы?

Я попросил Юрия Валентиновича встече, и он, свернувшись с записной книжкой, сказал, что будет свободен в средине дня.

9 МАЯ 1945 ГОДА

Я помню эту дату в сорок пятом.
Еще война гремела на войне,
А мы, отвоевавшие солдаты,
Ловили рыбу на реке Шексне.

Гребли вдвоем — он левую, я правой,
Вытаскивали сети не спеша.
Под носом лодки расступались травы
И за кормой смыкались, чутко шуршили.

Огромный шаг поднялся из-за елей
В заре, не договорившись до конца.
И мы тогда на солнце заглянули,
Не пряча глаз, не отводя лица.

Река неслась, как время, в дымке алой,
Бесценно отражая небеса.
И ни одной пылинки не упало
Еще на листья, травы и леса.

А в устье, так, что весла гнулись
с треском,
Ворвалась лодка с озера одна,
И в лодке весть на все лады, как песню,
Несли и пели: — Кончились войны!..

Так вот он, мир! И, позабыв про сети,
Причалив лодку к берегу, бегом

Мы с ним помчались к людям на
рассвете —

Мы не могли тот день встретить вдвоем.
У сельсовета флаг горел над крышей,
И, может, как в семнадцатом году,
К нему народ бежал, то есть услышав,
Детишко подбирал на ходу.

С пустыми рукавами председатель
Все речи хотел сказать, как будто спеть,
И молча отворачивался к хате,
А слезы нечем было утереть.

Сейчас для нас, как символ, день
победный,
Победе нашей грозной — десять лет,
А он тогда был днем войны последним
И днем начала мира на земле.

Его установили мы, солдаты, —
Танкисты, миноноски, стрелки, —
Для всех людей в том мае, в сорок
пятом,

Заокеанским штабом вопреки...

С тех пор не раз цветли сады на свете,
Но мне то солнце утра не забыть.
Оно всем людям мира в мире светит
И никому его не погасить.

Сергей ОРЛОВ

ТАЛАНТЛИВЫЙ ПОЭТ-САМОУЧКА

К 75-летию со дня смерти И. З. Сурикова

Семьдесят пять лет тому назад скончался и был похоронен в Москве, на Пятницком кладбище, талантливый поэт-самоучка Иван Захарович Суриков.

Стихи и песни Ивана Сурикова, как и его предшественника Алексея Болыкова, распеваются до наших дней. Кто не знает песню Сурикова «Занялася заря — скоро солнце взойдет», положенную на музыку гениальным Чайковским? Кто не слыхал на концертах, на вечерах самодеятельности, во время передышек в солдатских окопах на фронтах Великой Отечественной войны, сундуковской песни «Рыбаки»? Миллионы людей слушают по радио песни Сурикова «Сироты я росла», «Я ли в поле не драушилась» и многие другие.

В Брюсов только что получил сверстником сборник стихов И. Сурикова, подготовленный к выпуску в Госиздате. Владимир Ильич попросил у Брюсова сверстную книгу, открыл первую страницу и прочитал начальные слова стихотворения «Детство»:

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной...

— Нашим поэтам нужно бы научиться так писать о детях и для детей, — сказал он. — А бумага-то для такой книги, особенно для детей, не годится.

Сурикова ценили знаменитый наш педагог, писатель Ильинский, поэт Плещеев, великий Гоголь.

Но погиблины ты в борьбе,
Но не погибли люди слабы!...

И, действительно, заключительное слово, сказанное на суде Петром Алексеевым, было пущено в ход на концепции, что кто-то из этих трех человек — Петром Алексеевым, приговоренным царским правительством к десятилетней карте за распространение социалистического учения среди рабочих. Суриков, уже тяжело больной, послал ему трогательное письмо с таким пламенным напутствием:

К сожалению, творческое наследие И. Сурикова плохо изучено. Одной из интереснейших странностей такого исследования явилось бы изучение связи поэта с выдающимися революционными деятелями того времени, в том числе с творчеством Петром Алексеевым, приговоренным царским правительством к десятилетней карте за распространение социалистического учения среди рабочих. Суриков, уже тяжело больной, послал ему трогательное письмо с таким пламенным напутствием:

На снимках: вверху — весна 1945 года. На Эльбе близ Торгау; внизу — момент, возникший в честь встречи советских и американских войск на Эльбе.

Фото Г. Хомзора и А. Милецкого;
стихи Ю. Друниной

ПИСЬМА В РЕДАЦИЮ

Здесь нужно власть употребить!

Уважаемый товарищ редактор!
Просим поместить на страницах вашей газеты ниже-

следующее:

Мы, работники искусства, выражаем свое глубокое возмущение по поводу беззакония, учрежденного некоторыми служащими в Щербаковском районе Москвы над художником Р. Л. Орловским. В 1952 году представители Щербаковского жилищного отдела самоизволом, путем взлома наружных и внутренних дверей, проникли в квартиру художника Орловского и, выбрав из его комнаты вещи, работы, рисунки, тут же, без всяких оснований, незаконно заселили его комнату посторонними людьми. Когда тогд Орловский обратился в суд для восстановления его нарушенных прав, около двух лет работники Щербаковского РИО всячески препятствовали осуществлению правосудия.

Мы, работники искусства, выражаем свое глубокое возмущение по поводу беззакония, учрежденного некоторыми служащими в Щербаковском районе Москвы над художником Р. Л. Орловским. В 1952 году представители Щербаковского жилищного отдела самоизволом, путем взлома наружных и внутренних дверей, проникли в квартиру художника Орловского и, выбрав из его комнаты вещи, работы, рисунки, тут же, без всяких оснований, незаконно заселили его комнату посторонними людьми. Когда тогд Орловский обратился в суд для восстановления его нарушенных прав, около двух лет работники Щербаковского РИО всячески препятствовали осуществлению правосудия.

Мы, работники искусства, выражаем свое глубокое возмущение по поводу беззакония, учрежденного некоторыми служащими в Щербаковском районе Москвы над художником Р. Л. Орловским. В 1952 году представители Щербаковского жилищного отдела самоизволом, путем взлома наружных и внутренних дверей, проникли в квартиру художника Орловского и, выбрав из его комнаты вещи, работы, рисунки, тут же, без всяких оснований, незаконно заселили его комнату посторонними людьми. Когда тогд Орловский обратился в суд для восстановления его нарушенных прав, около двух лет работники Щербаковского РИО всячески препятствовали осуществлению правосудия.

Мы, работники искусства, выражаем свое глубокое возмущение по поводу беззакония, учрежденного некоторыми служащими в Щербаковском районе Москвы над художником Р. Л. Орловским. В 1952 году представители Щербаковского жилищного отдела самоизволом, путем взлома наружных и внутренних дверей, проникли в квартиру художника Орловского и, выбрав из его комнаты вещи, работы, рисунки, тут же, без всяких оснований, незаконно заселили его комнату посторонними людьми. Когда тогд Орловский обратился в суд для восстановления его нарушенных прав, около двух лет работники Щербаковского РИО всячески препятствовали осуществлению правосудия.

Мы, работники искусства, выражаем свое глубокое возмущение по поводу беззакония, учрежденного некоторыми служащими в Щербаковском районе Москвы над художником Р. Л. Орловским. В 1952 году представители Щербаковского жилищного отдела самоизволом, путем взлома наружных и внутренних дверей, проникли в квартиру художника Орловского и, выбрав из его комнаты вещи, работы, рисунки, тут же, без всяких оснований, незаконно заселили его комнату посторонними людьми. Когда тогд Орловский обратился в суд для восстановления его нарушенных прав, около двух лет работники Щербаковского РИО всячески препятствовали осуществлению правосудия.

Мы, работники искусства, выражаем свое глубокое возмущение по поводу беззакония, учрежденного некоторыми служащими в Щербаковском районе Москвы над художником Р. Л. Орловским. В 1952 году представители Щербаковского жилищного отдела самоизволом, путем взлома наружных и внутренних дверей, проникли в квартиру художника Орловского и, выбрав из его комнаты вещи, работы, рисунки, тут же, без всяких оснований, незаконно заселили его комнату посторонними людьми. Когда тогд Орловский обратился в суд для восстановления его нарушенных прав, около двух лет работники Щербаковского РИО всячески препятствовали осуществлению правосудия.

Мы, работники искусства, выражаем свое глубокое возмущение по поводу беззакония, учрежденного некоторыми служащими в Щербаковском районе Москвы над художником Р. Л. Орловским. В 1952 году представители Щербаковского жилищного отдела самоизволом, путем взлома наружных и внутренних дверей, проникли в квартиру художника Орловского и, выбрав из его комнаты вещи, работы, рисунки, тут же, без всяких оснований, незаконно заселили его комнату посторонними людьми. Когда тогд Орловский обратился в суд для восстановления его нарушенных прав, около двух лет работники Щербаковского РИО всячески препятствовали осуществлению правосудия.

Мы, работники искусства, выражаем свое глубокое возмущение по поводу беззакония, учрежденного некоторыми служащими в Щербаковском районе Москвы над художником Р. Л. Орловским. В 1952 году представители Щербаковского жилищного отдела самоизволом, путем взлома наружных и внутренних дверей, проникли в квартиру художника Орловского и, выбрав из его комнаты вещи, работы, рисунки, тут же, без всяких оснований, незаконно заселили его комнату посторонними людьми. Когда тогд Орловский обратился в суд для восстановления его нарушенных прав, около двух лет работники Щербаковского РИО всячески препятствовали осуществлению правосудия.

Мы, работники искусства, выражаем свое глубокое возмущение по поводу беззакония, учрежденного некоторыми служащими в Щербаковском районе Москвы над художником Р. Л. Орловским. В 1952 году представители Щербаковского жилищного отдела самоизволом, путем взлома наружных и внутренних дверей, проникли в квартиру художника Орловского и, выбрав из его комнаты вещи, работы, рисунки, тут же, без всяких оснований, незаконно заселили его комнату посторонними людьми. Когда тогд Орловский обратился в суд для восстановления его нарушенных прав, около двух лет работники Щербаковского РИО всячески препятствовали осуществлению правосудия.

Мы, работники искусства, выражаем свое глубокое возмущение по поводу беззакония, учрежденного некоторыми служащими в Щербаковском районе Москвы над художником Р. Л. Орловским. В 1952 году представители Щербаковского жилищного отдела самоизволом, путем взлом

Поэзия в прозе

Георгий БЕРЕЗКО

открытия новых звезд, разглядывали темные пяты человеческой души. Но почему же так мало замечали прекрасное, так замалчивали его?».

Вот что хочется прежде всего отметить, говоря о книге Б. Ямпольского «Дорога испытаний».

Книга не совсем удачна, как мне кажется, названа. Во всяком случае это суховатое примелькавшееся словосочетание — «дорога испытаний» — липко в малой мере выражает ее большую тему авторское отношение к теме. Но речь в книге действительно идет о дороге — о дороге, быть может, и не такой уж ложной, хотя те два с половиной месяца, что она тянулась, стоят десятка лет целой жизни. Б. Ямпольский рассказывает, как осенью 1941 года многочисленная группа советских людей, ушедших из обложенного врагом Киева, пробивалась пробилась с боями из «Большой земли». И учащая писатель в том, что его «дорога испытаний» стала повестью о дороге мужества, борьбы и верности.

Правдиво, не зная ничего смыглать, описывает Б. Ямпольский тот горестный, тот странливый путь, который прошли его герой, прорываясь сквозь круги вражеского опепления. Точно круги ада, сменялись перед ними рубежи: Борисполь, задымленный пожарами, пересекший от пепла, Черная роща, река Трубеж, Семеновский лес, Яготинское поле, шире поплыты кровью. Ничто не могло остановить этих людей — разных, случайно подобранных, обслыпанных общей участью и надеждой. Работчики железнодорожного узла и сотрудники селекционных станций, мастеровые киевского арсенала и пятистоницы из Броваров и Прилуц, служащие государственного банка и ветераны Котовского и Первой Конной пши за удальцовыми фронтом, как в бурю идут на огонь машины... И они прошли, дошли, потому что сила, которая вела и поддерживала их, была неодолима.

«Для того, чтобы идти тысячу верст, человеку необходимо думать, что что-то хорошее есть за этими 1000-ми верстами. Важно представление об обстановке земли для того, чтобы иметь силы двигаться» — эти слова Льва Толстого стоят эпиграфом в книге Ямпольского. По отчалившему, громче, неслись все другое, звучит в ней тема Родины — обстановки земли.

Рассказывая о великой народной беде, писатель рассказал о великом народном подвиге. Его книга — это книга о любви, самой возвышенной и светлой, какая только может владеть человеком, — о любви к родной земле.

Люди, с которыми знакомимся мы на страницах «Дороги испытаний», возникают мгновенно и столь же быстро исчезают, как и бывает в бою, который длился на этой дороге все семьдесят девять дней с небольшими перерывами. Но в каждом из положительных героев (о персонажах, которых не будет ниже) мы успеваем заметить самое важное и драгоценное: у пожилого начальника, командующего железнодорожниками, — неспособимому муравью уверенности, у матроса Синицы — склончивой оттаги, у батальонного комиссара танкиста, возглавившего колонну, — беспощадную и к себе и к другим спасительную командирскую суворость, у молодого бойца Василько — алмазной крепости преданности, у сестры милосердия Файны — самоутверженную участливость. П

так естественно, так психологически верно, что именно здесь, на этой ужасной дороге итальянской страданий, главный герой книги студент Корнилов, раненый, еще двигавшийся, размышил о следующем: «Как ярко описана сочинениями полночь жизни, — удивляется он, — с какой ужасной подобостью, с какими удивительными долгами и страшными преувеличениями, словно в телесном, предназначенный для

Борис Ямпольский. Дорога испытаний. «Советский писатель». 1955. 267 стр.

так зашли в тупик многие неудачливые дешифровщики. Никакой предвзятости, никаких шор на глаза!

И он долгими месцами занимался «частотой бугахтерии», составляемой скучных сводок. Берется иероглиф и выписывается во всех сочинениях с другими знаками. И все слова, начинающиеся именами и фамилиями, в которых встречается одно слово...

Одновременно Кнорозов изучал языки майя — старинный язык, сохранившийся в записях монахов-миссионеров, в майя-испанских словарях XVI столетия, где индейские слова записывались испанскими буквами, — и пытался составлять словики из них.

Кнорозов упорно двигался вперед, и постепенно древние рукописи стали раскрывать ему чисто красочный язык индейцев майя. Он узнал, как записывали они окончания глаголов, префиксы существительных, и положил тем самым начало изучению грамматики древнего языка. Он расширил множество слов, прочитал первые фразы — «солице все склажет в это время». И в этот момент было такое ощущение, что это говорят про меня, про мою страну».

С этим же светлым, счастливым чувством мы, благодарные автору, расстаемся с его хорошей книгой.

гал по дорогам отступления в эту тяжкую, злую, обаянную осень 1941 года.

На титульном листе книги Б. Ямпольского мы не обнаруживаем никаких указаний касательно ее жанра; что это — роман, новелла, хроника? И это, конечно, не рассказ «бывшего человека», как пытаются уверить в вступлении автор... Кстати сказать, эта наивная выдумка о некой подлинной рукописи, случайно попавшей в руки, которую он «позволил себе только разбить на главы», не сочетается с общим тоном вещей. У Б. Ямпольского нет, строго говоря, сюжета в обычном понимании, нет «интриги». Автор справительно мало заботится об изложении физической стороны событий, она является сплошь и рядом лишь в самой общей характеристике, и мы не можем поэтому сказать, что она тянулась,

стоит десятка лет, целой жизни. Б. Ямпольский рассказывает, как осенью 1941 года многочисленная группа советских людей, ушедших из обложенного врагом Киева, пробивалась пробилась с боями из «Большой земли». И учащая писатель в том, что его «дорога испытаний» стала повестью о дороге мужества, борьбы и верности.

Правдиво, не зная ничего смыглать, описывает Б. Ямпольский тот горестный,

тот странливый путь, который прошли его герой, прорываясь сквозь круги вражеского опепления. Точно круги ада, сменялись перед ними рубежи: Борисполь, задымленный пожарами, пересекший от пепла, Черная роща, река Трубеж, Семеновский лес, Яготинское поле, шире поплыты кровью. Ничто не могло остановить этих людей — разных, случайно подобранных, обслыпанных общей участью и надеждой. Работчики железнодорожного узла и сотрудники селекционных станций, мастеровые киевского арсенала и пятистоницы из Броваров и Прилуц, служащие государственного банка и ветераны Котовского и Первой Конной пши за удальцовыми фронтом, как в бурю идут на огонь машины... И они прошли, дошли, потому что сила, которая вела и поддерживала их, была неодолима.

«Для того, чтобы идти тысячу верст, человеку необходимо думать, что что-то хорошее есть за этими 1000-ми верстами. Важно представление об обстановке земли для того, чтобы иметь силы двигаться» — эти слова Льва Толстого стоят эпиграфом в книге Ямпольского. По отчалившему, громче, неслись все другое, звучит в ней тема Родины — обстановки земли.

Правдиво, не зная ничего смыглать, описывает Б. Ямпольский тот горестный, тот странливый путь, который прошли его герой, прорываясь сквозь круги вражеского опепления. Точно круги ада, сменялись перед ними рубежи: Борисполь, задымленный пожарами, пересекший от пепла, Черная роща, река Трубеж, Семеновский лес, Яготинское поле, шире поплыты кровью. Ничто не могло остановить этих людей — разных, случайно подобранных, обслыпанных общей участью и надеждой. Работчики железнодорожного узла и сотрудники селекционных станций, мастеровые киевского арсенала и пятистоницы из Броваров и Прилуц, служащие государственного банка и ветераны Котовского и Первой Конной пши за удальцовыми фронтом, как в бурю идут на огонь машины... И они прошли, дошли, потому что сила, которая вела и поддерживала их, была неодолима.

«Для того, чтобы идти тысячу верст, человеку необходимо думать, что что-то хорошее есть за этими 1000-ми верстами. Важно представление об обстановке земли для того, чтобы иметь силы двигаться» — эти слова Льва Толстого стоят эпиграфом в книге Ямпольского. По отчалившему, громче, неслись все другое, звучит в ней тема Родины — обстановки земли.

Правдиво, не зная ничего смыглать, описывает Б. Ямпольский тот горестный,

тот странливый путь, который прошли его герой, прорываясь сквозь круги вражеского опепления. Точно круги ада, сменялись перед ними рубежи: Борисполь, задымленный пожарами, пересекший от пепла, Черная роща, река Трубеж, Семеновский лес, Яготинское поле, шире поплыты кровью. Ничто не могло остановить этих людей — разных, случайно подобранных, обслыпанных общей участью и надеждой. Работчики железнодорожного узла и сотрудники селекционных станций, мастеровые киевского арсенала и пятистоницы из Броваров и Прилуц, служащие государственного банка и ветераны Котовского и Первой Конной пши за удальцовыми фронтом, как в бурю идут на огонь машины... И они прошли, дошли, потому что сила, которая вела и поддерживала их, была неодолима.

«Для того, чтобы идти тысячу верст, человеку необходимо думать, что что-то хорошее есть за этими 1000-ми верстами. Важно представление об обстановке земли для того, чтобы иметь силы двигаться» — эти слова Льва Толстого стоят эпиграфом в книге Ямпольского. По отчалившему, громче, неслись все другое, звучит в ней тема Родины — обстановки земли.

Правдиво, не зная ничего смыглать, описывает Б. Ямпольский тот горестный,

тот странливый путь, который прошли его герой, прорываясь сквозь круги вражеского опепления. Точно круги ада, сменялись перед ними рубежи: Борисполь, задымленный пожарами, пересекший от пепла, Черная роща, река Трубеж, Семеновский лес, Яготинское поле, шире поплыты кровью. Ничто не могло остановить этих людей — разных, случайно подобранных, обслыпанных общей участью и надеждой. Работчики железнодорожного узла и сотрудники селекционных станций, мастеровые киевского арсенала и пятистоницы из Броваров и Прилуц, служащие государственного банка и ветераны Котовского и Первой Конной пши за удальцовыми фронтом, как в бурю идут на огонь машины... И они прошли, дошли, потому что сила, которая вела и поддерживала их, была неодолима.

«Для того, чтобы идти тысячу верст, человеку необходимо думать, что что-то хорошее есть за этими 1000-ми верстами. Важно представление об обстановке земли для того, чтобы иметь силы двигаться» — эти слова Льва Толстого стоят эпиграфом в книге Ямпольского. По отчалившему, громче, неслись все другое, звучит в ней тема Родины — обстановки земли.

Правдиво, не зная ничего смыглать, описывает Б. Ямпольский тот горестный,

тот странливый путь, который прошли его герой, прорываясь сквозь круги вражеского опепления. Точно круги ада, сменялись перед ними рубежи: Борисполь, задымленный пожарами, пересекший от пепла, Черная роща, река Трубеж, Семеновский лес, Яготинское поле, шире поплыты кровью. Ничто не могло остановить этих людей — разных, случайно подобранных, обслыпанных общей участью и надеждой. Работчики железнодорожного узла и сотрудники селекционных станций, мастеровые киевского арсенала и пятистоницы из Броваров и Прилуц, служащие государственного банка и ветераны Котовского и Первой Конной пши за удальцовыми фронтом, как в бурю идут на огонь машины... И они прошли, дошли, потому что сила, которая вела и поддерживала их, была неодолима.

«Для того, чтобы идти тысячу верст, человеку необходимо думать, что что-то хорошее есть за этими 1000-ми верстами. Важно представление об обстановке земли для того, чтобы иметь силы двигаться» — эти слова Льва Толстого стоят эпиграфом в книге Ямпольского. По отчалившему, громче, неслись все другое, звучит в ней тема Родины — обстановки земли.

Правдиво, не зная ничего смыглать, описывает Б. Ямпольский тот горестный,

тот странливый путь, который прошли его герой, прорываясь сквозь круги вражеского опепления. Точно круги ада, сменялись перед ними рубежи: Борисполь, задымленный пожарами, пересекший от пепла, Черная роща, река Трубеж, Семеновский лес, Яготинское поле, шире поплыты кровью. Ничто не могло остановить этих людей — разных, случайно подобранных, обслыпанных общей участью и надеждой. Работчики железнодорожного узла и сотрудники селекционных станций, мастеровые киевского арсенала и пятистоницы из Броваров и Прилуц, служащие государственного банка и ветераны Котовского и Первой Конной пши за удальцовыми фронтом, как в бурю идут на огонь машины... И они прошли, дошли, потому что сила, которая вела и поддерживала их, была неодолима.

«Для того, чтобы идти тысячу верст, человеку необходимо думать, что что-то хорошее есть за этими 1000-ми верстами. Важно представление об обстановке земли для того, чтобы иметь силы двигаться» — эти слова Льва Толстого стоят эпиграфом в книге Ямпольского. По отчалившему, громче, неслись все другое, звучит в ней тема Родины — обстановки земли.

Правдиво, не зная ничего смыглать, описывает Б. Ямпольский тот горестный,

тот странливый путь, который прошли его герой, прорываясь сквозь круги вражеского опепления. Точно круги ада, сменялись перед ними рубежи: Борисполь, задымленный пожарами, пересекший от пепла, Черная роща, река Трубеж, Семеновский лес, Яготинское поле, шире поплыты кровью. Ничто не могло остановить этих людей — разных, случайно подобранных, обслыпанных общей участью и надеждой. Работчики железнодорожного узла и сотрудники селекционных станций, мастеровые киевского арсенала и пятистоницы из Броваров и Прилуц, служащие государственного банка и ветераны Котовского и Первой Конной пши за удальцовыми фронтом, как в бурю идут на огонь машины... И они прошли, дошли, потому что сила, которая вела и поддерживала их, была неодолима.

«Для того, чтобы идти тысячу верст, человеку необходимо думать, что что-то хорошее есть за этими 1000-ми верстами. Важно представление об обстановке земли для того, чтобы иметь силы двигаться» — эти слова Льва Толстого стоят эпиграфом в книге Ямпольского. По отчалившему, громче, неслись все другое, звучит в ней тема Родины — обстановки земли.

Правдиво, не зная ничего смыглать, описывает Б. Ямпольский тот горестный,

тот странливый путь, который прошли его герой, прорываясь сквозь круги вражеского опепления. Точно круги ада, сменялись перед ними рубежи: Борисполь, задымленный пожарами, пересекший от пепла, Черная роща, река Трубеж, Семеновский лес, Яготинское поле, шире поплыты кровью. Ничто не могло остановить этих людей — разных, случайно подобранных, обслыпанных общей участью и надеждой. Работчики железнодорожного узла и сотрудники селекционных станций, мастеровые киевского арсенала и пятистоницы из Броваров и Прилуц, служащие государственного банка и ветераны Котовского и Первой Конной пши за удальцовыми фронтом, как в бурю идут на огонь машины... И они прошли, дошли, потому что сила, которая вела и поддерживала их, была неодолима.

«Для того, чтобы идти тысячу верст, человеку необходимо думать, что что-то хорошее есть за этими 1000-ми верстами. Важно представление об обстановке земли для того, чтобы иметь силы двигаться» — эти слова Льва Толстого стоят эпиграфом в книге Ямпольского. По отчалившему, громче, неслись все другое, звучит в ней тема Родины — обстановки земли.

Правдиво, не зная ничего смыглать, описывает Б. Ямпольский тот горестный,

тот странливый путь, который прошли его герой, прорываясь сквозь круги вражеского опепления. Точно круги ада, сменялись перед ними рубежи: Борисполь, задымленный пожарами, пересекший от пепла, Черная роща, река Трубеж, Семеновский лес, Яготинское поле, шире поплыты кровью. Ничто не могло остановить этих людей — разных, случайно подобранных, обслыпанных общей участью и надеждой. Работчики железнодорожного узла и сотрудники селекционных станций, мастеровые киевского арсенала и пятистоницы из Броваров и Прилуц, служащие государственного банка и ветераны Котовского и Первой Конной пши за удальцовыми фронтом, как в бурю идут на огонь машины... И они прошли, дошли, потому что сила, которая вела и поддерживала их, была неодолима.

«Для того, чтобы идти тысячу верст, человеку необходимо думать, что что-то хорошее есть за этими 1000-ми верстами. Важно представление об обстановке земли для того, чтобы иметь силы двигаться» — эти слова Льва Толстого стоят эпиграфом в книге Ямпольского. По отчалившему, громче, неслись все другое, звучит в ней тема Родины — обстановки земли.

Правдиво, не зная ничего смыглать, описывает Б. Ямпольский тот горестный,

тот странливый путь, который прошли его герой, прорываясь сквозь круги вражеского опепления. Точно круги ада, сменялись перед ними рубежи: Борисполь, задымленный пожарами, пересекший от пепла, Черная роща, река Трубеж, Семеновский лес, Яготинское поле, шире поплыты кровью. Ничто не могло остановить этих людей — разных, случайно подобранных, обслыпанных общей участью и надеждой. Работчики железнодорожного узла и сотрудники селекционных станций, мастеровые киевского арсенала и пятистоницы из Броваров и Прилуц, служащие государственного банка и ветераны Котовского и Первой Конной пши за удальцовыми фронтом, как в бурю идут на огонь машины... И они прошли, дошли, потому что сила, которая вела и поддерживала их, была неодолима.

«Для того, чтобы идти тысячу верст, человеку необходимо думать, что что-то хорошее есть за эт

